

Элина Евланова

Кандидат психологических наук, консультант психоаналитической ориентации, магистр клинической психологии и терапевтической медиации

Университета Ниццы София-Антиполис,

Преподаватель Института профессиональной супервизии,

Член и эксперт по сертификации образовательных программ Дивизиона

“Психоаналитическая психология и психотерапия”

Национальной психологической ассоциации Украины

<https://orcid.org/0000-0002-5418-7697>

ПСИХОАНАЛИЗ ОНЛАЙН: БУДКА СУФЛЕРА ИЛИ ВТОРАЯ СЦЕНА?

Дорогие участники Конференции, вот наконец случилось то, о чем мы столько мечтали и говорили в течение последних полутора лет: мы вновь имеем возможность обменяться своими мыслями и чувствами глядя не в стекло экрана, но в глаза другому, в реальном телесном со-присутствии или face to face. И о чем же мы говорим, находясь в этом зале на расстоянии нескольких шагов друг от друга? Мы говорим про «Психоаналіз і віртуальне: етика, метапсихологія і клінічний досвід позакабінетної практики». Мы говорим о не-присутствующем. Пожалуй, сегодня остается лишь признать, что реальность сама очень четко обозначила те принципы, на которых всегда основывался психоанализ, поименовав нашу практику: **психоанализ всегда не весь**.

Мы не первое поколение психоаналитиков, которым приходится пересматривать устои собственной практики, вследствие социальных процессов. Возможно я несколько преувеличиваю, но таких глобальных изменений в мире, которые заставили бы психоаналитиков столь много размышлять и о клинике, и о

метапсихологии и об этике нашего ремесла, общество не знало со времен второй мировой войны. Я имею в виду то, что сегодня порядок мироустройства стремительно преобразовывается, отражаясь на образе жизни жителей всех континентов нашей планеты, затрагивая основы профессиональной практики людей абсолютного большинства профессий.

Тревога, которая совершенно очевидно возникает у специалиста в ситуации неопределенности, является маркером и двигателем нашего желания. Чем больше мы слышим «психоанализ он-лайн невозможен», тем сильнее желание узнать, какой же он, психоанализ он-лайн. Если находиться на позиции, что это нечто виртуальное, тогда мы сталкиваемся с изменением способа, то есть того, что принято называть техникой процесса. Но, возможно, мы говорим лишь о новом означающем места?

Виртуальное. Это одно из означающих, а возможно, и Господское означающее дня сегодняшнего. Оно пытается пристегнуть все новые и новые означаемые нашей эпохи. Какие бы сопротивления не встречало виртуальное на своем пути, каждый из нас в какой-то момент оказывается перед фактом того, что вынужден принять виртуальность очередного элемента реальности. Самое привычное и традиционное - потертые семейные фотоальбомы, шуршащие странички книг, шахматные фигуры так удобно укладываемые в руку, привезенные из отпуска ракушки с шумом морского прибоя, деньги и даже свидетельства, удостоверяющие нашу личность - все это недавно, но основательно переместилось в наши гаджеты.

Однако, если обратиться к этимологии слова «виртуальное», то мы увидим, что своими корнями это слово восходит к индоевропейскому праязыку. А точнее, в латинском мы находим корень *vir* (с лат. — «мужчина»). Римляне образовали от него другое слово — *virtus*, которое использовали для обозначения совокупности всех превосходных качеств, присущих мужчинам (физическая сила, доблестное поведение, моральное

достоинство). Такое же имя было у богини Виртус из древнеримской мифологии. Виртус (от лат. Virtus – Доблесть) или Виртута – спутница Марса, вдохновлявшая римлян на боевые подвиги ради отечества.

Из латинского слово проникает в старофранцузский, а в XIII веке – из французского в английский. В английском слово virtual с появлением вычислительной техники приобрело дополнительный оттенок «не существующий в действительности, но появляющийся благодаря программному обеспечению».

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935-1940) предлагает нам четыре варианта употребления этого слова.

ВИРТУАЛЬНЫЙ

1. В философии - существующий при определенных условиях и исчезающий при исчезновении этих условий.

2. Разговорный вариант - воображаемый, не реальный

3. Компьютерный - реализованный программно, симулированный, имитированный с помощью компьютера

Наиболее же, на мой взгляд, интересно значение слова «виртуальный» в специализированной лексике, то есть в профессиональной терминологии. Вот что, к примеру, пишет некий А. фон Вендрих, в книге «Записки эксплуатации железных дорог с военными целями. Курс старшего класса Николаевской инженерной академии.», 1886 г.: «Виртуальная длина есть такая воображаемая длина дороги, на которой поезд может следовать с постоянной скоростью.» В этом значении мы обнаруживаем смысл: «виртуальный то же, что эффективный, заменяющий реальный параметр в упрощённой модели».

Итак, мы можем лишь констатировать, что виртуальное абсолютно реально и эффективно переселилось из древних времен в новейшее время.

Под влиянием информационных технологий термин «виртуальность» приобрёл новое значение, связанное с виртуальной

реальностью. «Виртуальность» в этом случае понимается как некоторое состояние, при котором субъект теряет различие между реальным и сконструированным (виртуальным) миром. В этом смысле «виртуальность» оказывается характеристикой сознания и восприятия субъекта. Такое понимание виртуальности применяется также в психологии, эстетике и культуре вообще.

Если мы позволим себе пойти дальше психологии восприятия и сознания, а именно этим и занимается глубинная психология и психоанализ, исследуя Бессознательное, то нам останется лишь констатировать, сколько виртуальности мы обнаруживаем в психоаналитическом дискурсе. По сути, наша реальность - психическая и никакая иная и есть та виртуальность, которую субъект конструирует на протяжении своей истории, в которой живет, любит, страдает, сражается, сопротивляется и повторяется на каждом этапе своей биографии.

И не случайно, что Фрейд называет Бессознательное второй сценой. Театр ведь абсолютно виртуален. Что такое театр, если не Виртуальность (лат. *virtualis* – возможный) – воображаемые объект или состояние, которые реально не существуют, но могут возникнуть при определенных условиях. Так или иначе представления, которые разыгрываются в аналитическом пространстве в страстном требовании быть услышанными и столь же страстном смещении-бегстве в симптоме - это всегда пьеса.

Виртуальным является и чеховское ружье - объект, который помещается на стену и самим этим уже структурирует дальнейший ход событий.

Именно виртуальность и отличает Лакановский подход к языку от соотношения между означаемым и означающим, которое фиксирует Фердинанд де Соссюр. Концепция, основанная на том, что возможно найти «правильные означающие» и тогда можно все сказать, все высказать разделяется филологами, когнитивистами и идеологами.

Признавая то, что важным является само *означающее*, что всегда будет неудача в означивании того, что мы хотели сказать, мы признаем то, что в любом случае, нам не удастся все понять, мы признаем, то, что нам не удастся и истину высказать. Мы признаем себя на стороне психоанализа.

В своей статье «Психоанализ имеет структуру фикции» Жак-Ален Миллер пишет: «Истина имеет структуру фикции. Истина - это субстанция аналитического опыта, я бы сказал, его хлеб, то, что он порождает. Это держится только за счет того, что случаются разоблачения, озарения, моменты видения, то, что англичане называют инсайтом. По сравнению с истинами, о которых мечтал Декарт, отталкиваясь от математики, - а на уровне матемы можно быть уверенным в том, что существуют вечные истины, - истины, порождаемые аналитическим опытом смертны, они относятся к уровню патем, к тому, что ощущается, то имеет отношение к патетическим истинам, поскольку патема имеет тот же корень, что и патология, (страдание, боль), патетика и т.д. **Именно на этом уровне они многообразны, что и привело Лакана к изобретению неологизма «varime» (varité), множественной истины (от verime verité - истина и вариабл variable - множественная).** Порой, именно из-за усталости от обретенной истины, может появиться желание поменять аналитика - тогда обращаются к кому-то другому, объясняя себе, что идут за другой истиной.

Фикция, что это значит? Это то, что фабрикуют, что не относится к порядку природы, к греческому physis, но к poiesis, к продукту, к созданию. Фикция - это продукт, маркированный кажимостью».

В русском языке мы тоже находим подобную оппозицию. Именем нарицательным стали «физики» и «лирики» времен хрущевской оттепели 50-х, 60-х годов прошлого века. Это не только о формулах или стихах. Это и об этическом выборе и об отношении позиций понимания речи и языка к истине.

Виртуальность пациента - в его речи. Пациент приходит в кабинет, наполненный событиями собственной жизни, которые он переселяет, *переносит* в то пространство, которому еще только предстоит быть созданным. Виртуальность аналитика в том, чтобы своей речью и ее отсутствием создать из психической аморфности сцену, на которой пациент сможет распознать способ своего наслаждения, сценарий существования с собственным телом, прочесть наибольшее количество фантазматических смещений.

Вспомним центральный симптом в переносных отношениях доктора Брейера и Анны О. - ее мнимую беременность. Вот что пишет наш коллега Юрий Вольных в статье «Синдром Кувада»: «Много лет спустя Йозеф Брейер рассказал Фрейду истинную причину прекращения лечения Берты Паппенгейм. «Вечером того дня, когда все ее симптомы были устранены, его вызвали к ней еще раз. И он нашел ее смущенной и корчащейся от спазмов в животе. На вопрос, что случилось, она ответила: «На свет родилось дитя доктора Брейера», придя в ужас, он обратился в бегство, передав пациентку своему коллеге.» В тот момент, говорит Фрейд, у Брейера в руках был ключ, однако, он не смог или не захотел им воспользоваться. Именно этот истерический симптом послужил Фрейду толчком для изобретения психоанализа и построения концепции переноса». Я бы добавила: именно способность Фрейда виртуализировать реальность, увидеть за телесным и словесным игрой и позволила человечеству так приблизиться к пониманию психической природы человека.

Правила психоаналитического лечения, которые призваны структурировать и формализовать психоаналитическое пространство, обозначить место, где фикция сможет функционировать, сами по себе являются достаточно фиктивными в значении виртуальными. Мы говорим своим пациентам на первой встрече, что от них требуется приходить и уходить в определенное

время, говорить все, что приходит в голову, не стараясь оценивать, как это прозвучит, оплачивать сессии, согласно договоренности. Однако мы прекрасно понимаем, что наша работа сможет состояться именно тогда, когда пациент совершает атаки на сеттинг, опаздывает или забывает прийти, перезвонить. Свободные ассоциации нам нужны для того, чтобы сконструировать нечто, о чем анализант «никогда так не думал», а оговорка всегда интимнее самого интимного признания. Невротик навязчивости скажет свою истину, с облегчением оплачивая пропущенные сессии, а истерик расскажет о детских фантазиях своим телом.

Размышления о том, что же происходит с аналитическим процессом, когда аналитическая ситуация переносится в виртуальное пространство в реальности, ощущение тавтологичности явлений привело меня к поиску фразеологизмов со словом «виртуальный». Полисемичность этого понятия оказалась столь очевидной во всех языках, и столь разнообразной для различных эпох, что его можно назвать не только господским означающим нашей эпохи но и метафорой синхронии и диахронии языка, и метафорой психоаналитического процесса.

Я уже упоминала о том, что *vir* в переводе с латинского означает «мужчина», а Римляне образовали от него другое слово – *virtus*, которое использовали для обозначения совокупности всех превосходных, идеальных качеств, присущих мужчинам (физическая сила, доблестное поведение, моральное достоинство). Более того, *Vir perfectissimus* (с лат. – «превосходнейший муж») – один из позднеримских титулов, присваивавшийся представителям исчезавшего сословия всадников.

Что маркирует тревога психоаналитиков при слове «виртуальный психоанализ»? Когда я слышу переживания по поводу того, что мы впускаем пациентов в свой дом, или, наоборот, что во время сессии оказываемся в комнате пациента, я слышу лишь структуру детского желания и приближения к объекту а.

Для психоаналитической сессии вписывается в ряды, означающие ни что иное, как «heimlich» - уютное и ужасное, для кого-то это отражает фантазии о проникновении.

А, возможно, тревога коллег при слове «виртуальный психоанализ» оживляет эдипальную ситуацию с сиблингами? Чем больше уверенность современных психоаналитиков и целых профессиональных организаций в том, что именно их миссия быть кронпринцами психоанализа Фрейда, тем ярче проявления тревоги. Возможно, моя догадка есть подтверждение лакановского постулата о том, что в нашей психике живут все значения слова, и что лишь раздев слово до «латинского платья» мы сможем понять, что же оно значит для жизни отдельно взятого человека.

Безусловно, мы не вправе отбрасывать нарциссический аспект, которым окрашен наш период, когда мы живем «от локдауна к локдауну», порой не имея возможности прогуляться по любимым улочкам, имея в то же время возможность одновременно оказываться в двух разных комнатах, городах и странах. Для кого-то работа он-лайн - субъектная реализация любой ценой и при любых условиях. Для кого-то же, наоборот, - субъектное бессилие реализовать себя. Попытка отвергнуть «законность» психоанализа вне кабинета это всегда позиция «против». Паранойальность - о-позиция - проявляется в попытке поставить психоанализ в позицию жертвы наслаждения большого Другого - всесильного, который волен устраивать пандемии, объявлять локдауны полные и частичные, закрывать границы, принуждать к вакцинации, подсматривать за нами в нашем доме, далее мы можем поставить любое означающее. В паранойальной позиции субъект не бессилен, но он злоупотреблен силой другого, и этот другой и будет всегда виновен.

Психоаналитический дискурс отличается от всех иных видов дискурса именно структурой, которая изначально предполагает невозможность полной самореализации.

Серж Лесур в своем выступлении на конгрессе «Родина», которое называлось «Единственная Родина - это изгнание в язык» сказал: «Для человеческого существа первая встреча с жизнью и отношениями с кем-то другим имеет двоякий аспект. С одной стороны, ребенок конструирует первое представление, обрабатывая заботу своей матери, и выстраивает для себя первую родину, где он может иметь место; с другой стороны, из-за повторения, он теряет часть своего представления. На самом деле, никакой опыт не может быть точно таким же, и каждое новое объектное представление всегда является новым, и первое ощущение никогда не восстанавливается, даже если опознается. Эта функция нехватки в конституировании человека всем хорошо известна, и также известно, что эта Реальная нехватка станет источником желания в воображаемом».

Я вновь думаю о виртуальности и психоанализе, когда обращаюсь к «Толкованию сновидений» Фрейда. Что есть сновидение, если не «существующий при определенных условиях и исчезающий при исчезновении этих условий» продукт психической деятельности?

Или возьмем, к примеру, такой неслучайный для нас случай Серея Панкеева. Различить в незнакомом Фрейду русском языке означающие-метки сексуальности, распознав их в рассказе об истории детства. Для этого нужно было совершить виртуальное путешествие, перенесясь в родовое имение под Одессой, где росли прекрасные ореховые деревья, одно из которых так **ужаснуло** маленького Сережу, что потом ему еще долгие годы «доставалось на орехи». Сконструировать и предложить пациенту его сценарий, его базовый фантазм что это, если не талантливейшее поименование чего-то «не существующего в действительности, но появляющегося благодаря программному обеспечению».

В семинарах 1966-67 годов «Логика фантазма» Жак Лакан придаст объекту маленькое а статус, который он назовет «конструирующий логику фантазма» и далее станет исследовать отношение логики фантазма к структуре означающего как такового.

Tout est langage «Все есть язык» так называется одна из книг замечательной Франсуазы Дольто. А там, где есть место языку и есть место психоанализа. И для того, кто имел достаточно хороший опыт личного анализа, это аксиома.

Вообще же, разговоры о разделении на психоанализ как таковой и психоанализ он-лайн напомнили мне начало Интервью, данного Жаком Лаканом в 1974 году во время его пребывания в Риме миланскому еженедельнику Panorama.

— Профессор Лакан, мы слышим все чаще и чаще о кризисе психоанализа: ходят слухи, что Зигмунд Фрейд устарел, а современное общество обнаружило, что его доктрины более недостаточно, ни чтобы понимать человека, ни чтобы дать глубокую интерпретацию его отношения с окружающей средой и миром...

— Это небылицы. Во-первых, нет никакого кризиса. Он отсутствует. Психоанализ еще не достиг своих пределов, но напротив: еще многого предстоит достичь как в практике, так и в области доктрины. В психоанализе нет сиюсекундных решений, но только долгое и терпеливое исследование ответов на вопрос «почему».

Его доктрина поставила под вопрос истину — вопрос, который касается каждого лично. Ничего общего с кризисом. Я повторяю, мы далеки от [понимания] целей Фрейда. Это еще и потому, что его имя послужило тому, чтобы покрывать множество вещей, в числе которых были и девиации. Эпигоны не всегда верно следовали [фрейдовской] модели, что и создало путаницу.

В завершение хочу обратиться к названию своего доклада «Будка суфлера или вторая сцена». Это безусловно аллюзия с одним из определений, которое Фрейд дал Бессознательному. Будка суфлера же есть символ некой конструкции, которая предположительно всегда должна быть расположена в определенном месте у сцены. Однако, давайте зададимся вопросом, как часто каждый из нас выходя после театрального спектакля говорит: «Вот здорово, что суфлерская будка была оснащена по

всем нормам строительной документации. Или по-фен-шуй. Или...» я полагаю, нужное означающее каждый укажет сам.

Для примера я хочу взять случай анализантки, с которой я проводила сессии и у себя дома, и в кабинете и по вайберу. В октябре 2019 ко мне обратилась девушка 26-ти лет. Она искала психологическую помощь по совету своего лечащего врача. Она испытывала недомогания, повышение температуры, боли в горле как при ангине, без симптомов, которые можно было бы определить как органические изменения. Результаты очередных лабораторных исследований вновь не дали врачу основания назначить ей медикаментозное лечение.

За три месяца до нашей первой сессии девушка похорила маму, которая умерла от рака. За восемь лет до этого также от рака умер ее отец. Запросом к психологу было помочь найти причину повышения температуры. Такой беспомощности как в работе с этой пациенткой я, пожалуй, никогда не испытывала. Речи как таковой просто не было. Но, у меня было ощущение того, что и молчания не было тоже. Я задавала какие-то простые вопросы, она на них как-то отвечала, но если бы не мои записи-пометки, я не могла бы восстановить в памяти что-то из наших первых сессий. Была ли это депрессия или проявление традиции ее семьи, где не привыкли говорить о чувствах? Сейчас я думаю, что это было и то и другое, и базовый фантазм о возвращении в материнскую утробу. Я впервые встретилась с пациенткой, чья фантазия, казалось, находилась в зачаточном состоянии. Единственное, что было - это телесные симптомы. Тело языка говорило температурой, причину которой не могли найти в теле врачи, следовательно, для меня на уровне влечений речь шла о теле психическом. Повышение температуры происходило в одно и то же время. Это было время, когда пациентка звонила маме в больницу, справиться о ее здоровье. Умирать от не вовремя диагностированной болезни - был ее способ говорить о маме.

В своих записях, датированных уже апрелем 2020 я нахожу пометку «свободнее ассоциирует, появился аффект страха». К этому же времени относятся ее первые высказывания описывающие эмоциональное состояние «напряжена, знервована». Родной язык пациентки - украинский, и я стараюсь сопровождать ее сессии также на украинском языке, что дается мне не всегда свободно и в привычном для меня речевом темпе.

На сессии в мае уже нынешнего года я отмечаю свою необычную легкость говорения на украинском языке. Записываю это в примечаниях к сессии с тем, чтобы поразмышлять позднее. И в этой же сессии появляется на фоне рассказа о празднике Пасхи и Гробкив - поминальных дней, рассказ об одной беспокойной, очень заботливой родственнице, которая «мама через край». Очевидно, что на место пустоты-симптома пришло слово-идентификация покойной матери и с покойной матерью. Пришла метафора, а здесь уже возможно не только именование оплакиваемого, но и проявление агрессивных, в данном случае саркастически оформленных тенденций.

Для меня эта работа, которая длится с октября 2019 года, выглядит единой историей. И разделяю я ее именно на этапы, которые обозначила так:

- октябрь 2019 - апрель 2020. Период с момента обращения и до появления в речи пациентки описания ее состояний;

- апрель 2020 - май 2021 - появление метафоры как проявление амбивалентности чувств к матери.

- теперешний этап, который можно было бы условно назвать «если не только страдание, то что еще нужно от меня этой маме-аналитику?»

Как видно из вышесказанного, я не связываю динамику психоаналитического процесса с местом, в котором проводится психоанализ. Я не фиксировала даты, когда мы работали в кабинете, я лишь знаю наверняка, что с началом осеннего локдауна, эта пациентка перешла на дистанционную работу, и сейчас мы продолжаем встречи он-лайн.